

КАБАРДИНСКИЕ КНЯЖЕСТВА В РОССИЙСКО-ОСМАНСКИХ ВОЙНАХ 1711-1712 гг.: МИССИЯ АЛЕКСАНДРА БЕКОВИЧА-ЧЕРКАССКОГО*

Дж. Я. Рахаев

В череде сподвижников Петра I особое место по яркости дарований принадлежит Александру Бековичу-Черкасскому, внесшему весомый вклад в укрепление могущества Российского государства, реализацию его восточной политики. Общеизвестно, что среди «птенцов гнезда Петрова» помимо русских встречаются голландцы, литовцы, греки, сербы, шотландцы, татары, грузины, черкесы. В «команде» царя находились представители древнейших аристократических фамилий и рядовые дворяне, а также выходцы из «низов» общества: посадские и бывшие крепостные. При отборе помощников царь руководствовался рационалистическими критериями, нередко игнорируя социальную и национальную принадлежность лица, которого он приближал к себе и которому давал ответственные поручения. Основаниями для продвижения по службе и успехов в карьере являлись не «порода», а навыки и способности чиновника или офицера.

В отечественной науке военно-дипломатическая деятельность Бековича-Черкасского освещена, в общем, довольно полно, однако до сих пор она отождествляется с печально знаменитым Хивинским походом. Между тем, усилия Черкасского по организации антикрымского российско-калмыко-кабардинского альянса, кубанского похода кабардинских князей, усилению геополитического влияния России на Центральном Предкавказье в 1711-1712 гг. малоизучены. Данная публикация призвана восполнить этот пробел.

Военная обстановка в Центральном Предкавказье оставалась напряженной.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-01-00173 «Южные границы России второй половины XVII-XVIII вв. и трансформация пограничных сообществ».

Весной 1709 г. с санкции Девлет-Гирея II военные действия Кубанской Орды против Кабарды возобновились. Конфликт приобретал затяжной характер. Канжальская битва, вопреки ожиданиям кабардинских князей, не принесла мира. Геополитические позиции Кабарды, вынужденной с 1708 г. без поддержки союзников, фактически в условиях международной изоляции, вести войну с крымцами, оказались существенно подорваны.

По-видимому, мысль о возможности использования крымско-кабардинской конфронтации в случае войны с Османской империей впервые пришла Петру I в феврале 1709 г. В письме, адресованном Азовскому губернатору И. А. Толстому, царь указывал: «Вам надлежит не своим лицом, но чрез верных или из донских казаков или через кого иного обослатца к черкесом, которыя ныне воуют с крымцы, похотят ли они с нами заодно быть. А сие для того, ежели б, отчего боже сохрани, турки или татары что зачали с нами, тогда б уже и нам оных явно принять к себе, что надлежит заранее основать, аднакож, зело тайно и не от своего лица» [1, 16-22].

Губернатор неукоснительно выполнил царское повеление. С соблюдением необходимых предосторожностей весной 1709 г. Толстой отправляет в Кабарду своего посланника. Предложения, переданные Кургоке Атажукину российским представителем, превосходили уровень полномочий верховного князя. Решение, которое от него ожидали в Азове, не могло быть принято без санкции сословно-представительного учреждения всей Кабарды — хасы. На ее организацию необходимо было время, что в свою очередь приостановило ход переговоров. Вскоре Толстой принял у себя кабардинского посланника, вручившего губерна-

тору письмо, адресованное Петру I, текст которого, к сожалению, не сохранился. Посланник передал принципиальное согласие кабардинских князей на вхождение Кабарды в антикрымский альянс в случае российско-османской войны, о чем губернатор извести Петра I.

В начале лета 1709 г. в соответствии с царским указом И. А. Толстой направляет к кабардинцам своего представителя. О том, как развивались события дальше, мы можем судить по письму кабардинских князей от 1711 г.: «И как тот ваш посол к нам доехал, и в то число собрали мы горских черкес и иных, которые под овладением нашим, и от вашего величества посланной лист прочли. И они о том благодарили» [2, 164-164об.].

Итак, к середине лета 1709 г. правительству Петра I, посредством договора с кабардинскими князьями, удалось укрепить свои геополитические позиции на всей территории Центрального Предкавказья.

Тем временем российско-шведское противостояние достигло своей кульминации. 27 июня 1709 г. под Полтавой русская армия нанесла сокрушительное поражение шведским войскам. Карл XII вместе с Мазепой бежал в османские пределы. Полтавская баталия опосредованно повлияла на обострение российско-османских отношений. С августа 1709 г. в донесениях Толстого появились сведения об интенсивной подготовке османского правительства к войне. Все же и на этот раз Толстому удалось переломить ситуацию: 3 января 1710 г. султан возобновил Константинопольский договор 1700 г. Письмо, отправленное 7 января 1710 г. в Москву, свидетельствует об уверенности посла в невозможности в ближайшее время разрыва мирных отношений с Россией.

В течение весны — лета 1710 г. военная обстановка в Центральном Предкавказье не претерпела существенных изменений. С переменным успехом кабардинские князья отражали набеги кубанцев. Серьезные внутривосточные изменения произошли в Кабарде. В январе 1710 г. умер Кургока Атажукин, оборонительный союз кабардинских княжеств возглавил Хатокшоко Мисостов (1710-1721 гг.). В письме, отправленном весной 1710 г. Петру I кабардинский князь

Татархан Бекмурзович извещал царя о том, что «У нас с крымцами идет война великая» [3, 1-1об.], и подтверждал российско-кабардинские договоренности 1709 г.

5 сентября 1710 г. был заключен российско-калмыцкий договор «О подданстве хана Аюки со всеми тайшами и с людьми его Российскому государству» [4, 547-550], подписанный от имени царя казанским и астраханским губернатором боярином П. М. Апраксиным и от Калмыкии ханом Аюкой, тайшами Чеметом, Четером и Дондук-Омбо. Договор кардинально отличался от шертных записей не только по структуре (текст имеет заголовок и разделен на шесть статей, есть подписи и печати губернатора и хана), но и конкретностью и направленностью содержания, иными формами обращения друг к другу договаривающихся сторон. Общеизвестно, что с 1683 г. калмыцкие тайши уже не давали шерт. Военно-дипломатические отношения стали регулироваться договорами, письменными и устными, заключавшимися крупными государственными чиновниками от имени царя. Появление этого договора отнюдь не случайно. В декабре 1708 г. в России была проведена административно-территориальная реформа — было создано восемь губерний, в том числе Казанская, во главе с Апраксиным. В состав этой губернии вошли территории кочевий калмыков. По инициативе нового губернатора, являющимся командующим всеми войсками, расположенными в губернии, отвечавшего за безопасность региона, надо полагать, появился договор.

В договоре от имени царя были признаны заслуги хана Аюки в защите южных границ России, отмечена его верная служба государю. Петр I, выразив удовлетворение службой калмыков, значительно увеличил жалование хану Аюке и его тайшам, выделил пороху и свинца, обещал и впредь оберегать Калмыкию от внешних врагов. Содержание первой статьи и ответ хана Аюки «что он великому государю служить обещался до смерти своей, во всякой верности», свидетельствовал об упрочении отношений России с Калмыцким ханством, закрепляли особый статус Калмыкии как государства, хотя и вассального типа, в составе России.

В основном договор 1710 г., в условиях назревавшей войны с Османской империей и Крымским ханством, был посвящен военному союзу, объединению усилий обеих сторон на обеспечение безопасности городов Казанской губернии, Поволжья, Дона, а также и Калмыцкого ханства, упрочению установившейся дружбы и «названного братства». Впервые на этом документе на государственном уровне признавалось, что Аюка является влиятельным ханом «над многими степными ордами» [4, 550], имелись в виду ногайские, едисанские, ембулукские и малибашские мурзы.

Особое значение придавалось калмыцкой коннице на Азово-Кубанском направлении, в борьбе с крымскими татарами. В целях приближения калмыков к театру будущих военных действий Аюка обещал прислать «к Дону против Манацкого городка, который недалеко от Черкасского, калмык с двумя тайшами с Чеметем Батырем, да Чеметем Мункотемировым сыном, кочевать 10000 человек» [4, 548]. Именно этот отряд в последующем, в январе 1711 г., стал главным сдерживающим фактором выступления кубанских татар на помощь крымским татарам.

В январе 1711 г. в результате интриг европейских дипломатов и провокационной деятельности Карла XII великим везирем был назначен Балтаджи Мехмет-паша, взявший курс на разрыв добрососедских отношений с Московским государством. В своем последнем письме, отправленном в конце 1710 г., Толстой успел уведомить российское правительство о том, что султан принял решение «войну с нами начать ныне через татар, а весной всеми турецкими силами» [5, 1-5]. Вскоре посол был заключен в Семибашенный замок, Порта объявила войну.

Разработанный русским дипломатическим и торговым агентом С. Рагузинским стратегический план военных действий включал в себя операции на широком фронте от Балкан до Кубани. Он исходил из господствовавшей после Полтавы в российских дипломатических и военных кругах переоценки собственных сил и явной недооценки сил Турции и особенно Крыма. Борьбе против Крымского хан-

ства отводилась явно второстепенная роль (впервые в истории российско-османских конфликтов). Для проведения отвлекающих действий против татар планировалось выделить не более 20 тыс. казаков под командованием гетмана Украины И. С. Скоропадского и генерала Д. И. Бутурлина. На Кубанскую Орду предполагалось отправить около 7 тыс. солдат казанского губернатора Апраксина.

В конце января Апраксин отправил царю письмо, в котором испрашивал инструкций царя на случай, если «черкесы прикочуют к Азову, принимать ли, и где им быть, и какою милостию их обнадеживать?», на что последовал ответ: «Принимать и обнадеживать, как возможно» [6, 48]. Поскольку в начале 1711 г. российское правительство ожидало ответа султана на предложение о восстановлении мира, губернатор спрашивал, какие меры предпринимать в ответ на набег «крымцов и кубанцов» к «Азову, Троицкому, Черкасскому?» Петр I повелел: «Учинить начала, с помощью божию, снатым походом... и потом позволить всем, а до того удержать» [6, 49].

В начале зимы 1711 г. по царскому указу «для воинского совету» к калмыцкому хану Аюке был направлен саратовский комендант Н. П. Беклемишев. В ответ на царское предписание «выйти в поход на Кубань и Крым» хан попросил коменданта уведомить кабардинских князей о начале русско-турецкой войны, что было исполнено. 2 февраля 1711 г. Беклемишев отправил письмо «Атыгозуку-мурзе да Исламу-мурзе и другим мурзам». В нем он извещал кабардинских князей о том, что «ныне великий государь указал на турак и на крымцов идти его царского величества господину адмиралу и ковалеру Ф. М. Апраксину со многими полками». Сообщая кабардинцам, что «Аюке-хану, имянным его, великого государя, указом повелено со всею ордою быть готову на ево, великого государя, службу на кубанцов и на крымцов», комендант предлагал князьям — как только «по указу великого государя Аюки-хана калмыки посланы будут на ево, великого государя, службу на кубанцов, и вы, соединяся с ними, войною на кубанцов подите безо

всякого сомнения неотложно» [7, 5 об.-6]. Царский указ хану Аюке послать «от себя на Кубань и в Крым воинских своих людей» [8, 94-95] последовал 28 февраля.

В феврале 1711 г. кабардинские князья прислали Петру I письмо, в котором уверяли царя в готовности выполнить договоренности 1709 г.: «что ваше величество укажешь, и мы тебе, государю своему, служить с радением готовы» [2, 164]. Уведомив о том, что они знают о начале русско-турецкой войны, князья просили: «Впредки какой будет... договор и мирное постановление, и в то число и нас, раб своих, не позабутьте, чтоб крымский хан нам впредь никакой обиды и шкоды не чинил» [2, 164об.].

В конце февраля 1711 г. правительство Петра I предприняло попытку дипломатическим путем предотвратить военные действия в Прикубанье. К кубанским, крымским и буджакским владельцам были направлены посланники с царскими грамотами. Однако ни на одно из обращений ответа не последовало.

В начале весны 1711 г. к азовскому губернатору Апраксину прибыли кабардинские князья с заявлениями о верности России. Губернатор обещал кабардинцам, что они никогда не будут отданы под власть османского султана, а всегда будут находиться под властью российских царей. Для координации военных действий кабардинских князей с русской армией в Приазовье в начале весны 1711 г. в русском командовании было принято решение направить в Кабарду офицера гвардии, князя А. Бековича Черкасского.

Нами выявлены несколько новых документов, позволивших выяснить подробности миссии Черкасского в Кабарде весной — летом 1711 г. В их числе донесение, отправленное князем 5 марта, накануне отъезда в Кабарду. Донесение написано в характерной для письменных документов приказной администрации форме вопросов и ответов. Князь просил царских указаний по следующим вопросам:

«1. Когда прибуду на границу гребенских казаков, тогда мне от себя посылать ли ко владельцам, чтоб виделись со мною в том месте, или прямо к ним ехать самому?»;

«2. По прибытии моем ко владельцам, что со оными будет у меня чинитца, и о том ведения до кого писать?»;

«3. Особливые владельцы, которые граничат с черкесы, а похотят служить, призывать ли оных для умножения войска? И по склонности, ежели востребуют каких подарков, надобно послать сукон и протчего, как прежде к ним посылали, и что обещать и коликом числом?»;

«4. В проезде в пути для пустых мест и степей, чтоб даны были проважатые и подводы без задаржания, и о том надлежит указ губернатору казанскому»;

«5. Как оные владельцы по призыву в указанные места пойдут, мне обще ли с ними ехать, или какова указу ожидать?» [1, 22-23]

На что Петр I отвечал так: по-первому вопросу, — «ехать к Оюке и оттоль ссылатца, а буде удобно и самому ехать», по-второму — «писать ко мне через Азов, а к Москве чрез Петра Матвеевича (П. М. Апраксина. — *Дж.Р.*)», по-третьему — «взять с собою, что возможно, а в протчем обещать и писать к Москве к сенату, которые будут присылать», по-четвертому — «о сем оному словесно приказано», и, наконец, по-пятому — «лучше быть при них и о всем писать» [1, 22-23].

5 марта 1711 г. Петр I отправил калмыцкому хану Аюке «Грамоту», в которой уведомлял хана о достигнутых между российским правительством и кабардинскими князьями соглашениях. Далее царь сообщал хану о том, что для «лутчаго... о всем о том... извещения» он послал к кабардинским князьям «сродника их князя А. Черкасского, который в службе нашей обретается». В конце письма Петр I указывал Аюке: «...И как он, князь Александр, к тебе приедет, и тебе б... велеть его проводить безопасным путем в тое орду, и послать от себя к ним, кабардинским владельцем, кого пристойно, и склонить их, дабы они к нам... в подданство поддались, за что получают милость нашу. И обнадежить их, что когда он с тамошним народом пойдут на Крым или на Кубань воевати, тогда ты... им в том вспомогать и обще над теми неприятели нашими воински промыслы чинить будешь...» [9, 9-9 об.].

В конце весны 1711 г. Бекович-Черкасский достиг владений хана Аюки, откуда 22

мая отправил донесение Петру I, в котором излагал результаты достигнутых договоренностей по организации антикрымского альянса. В беседе с ханом выяснилось, что «зимним временем» к нему прибыли «посланцы от владельцев черкесских» и «требовали войска калмытского». На что хан ответил: «Без воли... царского величества того учинить не смею».

Не теряя времени князь решил известить кабардинских князей о своем прибытии и послал в Кабарду своего представителя. Вскоре в ставку хана прибыли кабардинские «посланцы», изустно передавшие А.Б. Черкасскому, что «владельцы черкесские... желают вашему царскому величеству служить, только к себе просят в помощь войска калмытского и несколько русских, сообщась вместе, чинить промысл военной над неприятелем в. ц. в., а имянно, на Кубань». Бекович-Черкасский передал посланцам, что «калмыки будут вам помогать, а об русских писать буду до в. ц. в.». На военном совете с ханом было решено отправить к кабардинцам часть калмыцкой конницы под командованием сына хана Чапдержапа, а другую направить в Азов к Ф.М. Апраксину.

В начале июня 1711 г. Бекович-Черкасский прибыл в Терки, откуда отправил в Кабарду письмо, текст которого был подготовлен в Посольском приказе в апреле 1711 г. Письмо, по словам Черкасского, являлось ответом на послания к нему кабардинских князей, общее содержание которых — просьба о принятии в российское подданство.

Князь предлагал кабардинцам: «Усмотря благоверенно... случай, когда салтан турецкой с его царским величеством мир несправедно и без всякой данной ему причины нарушил и войну всчал» продемонстрировать «свою службу». Для чего необходимо «собрать войска свои, идти на Крым или на Кубань и на иные татарские места и чинить над ними поиск. А царское величество, усмотря ту вашу к нему службу и верность, немедленно укажет вам вспомогать донским и еицким и гребенским казаком и калмыком».

Кроме того, Бекович-Черкасский сообщал кабардинским князьям, что царь уполномочил его передать «обещание... царско-

го величества» — «когда вас ис под турецкого ига свободных учинит и вы в его царском величестве подданстве будете» полностью освободить кабардинцев от налогов и выплачивать «повсягодное» жалованье, как получал, к примеру, «Аюка хан калмыцкой с тайшами своими» [10, 2-3].

28 июня 1711 г. Бекович-Черкасский достиг Большой Кабарды. На хасе, созданной по случаю прибытия царского посланника, в присутствии верховного князя Кабарды Хатокшоко Мисостова Бекович-Черкасский зачитал «Грамоту» Петра I «Татархану князю черкесскому, и братьем ево, и протчим владельцам, и всему народу тому» [10, 1], текст которой был идентичен содержанию письма, посланного Бековичем-Черкасским в Кабарду из Терской крепости.

О реакции кабардинских князей на царские предложения мы можем судить по выявленному нами источнику — донесению Бековича-Черкасского Петру I от 30 июня 1711 г. «Грамоту вашу, — писал князь, — которая дана мне в Москве ис концелярии Посольской ко владельцам черкесским... объявил и всему тому народу, которым надлежит о том ведать». Выслушав царского посланника, кабардинские князья, посовещавшись, объявили о том, что «рады вашему величеству служить верно».

Однако кабардинцы указали на то, что «немноголюдни черкесы перед кубанцами, одне не можем с кубаном управитца, понеже кубанцов в собрании много; ежели будет войско в. ц. в. к Кубани, чтоб, соединясь обще над неприятелем чинить промысл». Бекович-Черкасский заверил кабардинцев, что «войско русское и калмытское будет, не замедлев, к Кубани», но нужно, «чтобы вы были готовы совсем».

Кабардинские князья готовы были присягнуть, что и было совершено: «И они мне присягу учинили по своей вере, что готовы, ежели будет войско к Кубани, и им, соединясь, итти на неприятеля и готовитца со всем на лошади сесть и вечно в. ц. в. служить».

Досадуя на нерасторопность Апраксина, Бекович-Черкасский указывал Петру I на опасность такой ситуации ввиду того, что крымской хан «прислал... от себя двух персон знатных к черкесским владельцам

со многим обещанием, чтоб быть черкесом при стане их. Однакож, за помощью божию, свое намерение не совершали, и высла ны не честью».

По поручению кабардинских князей он передал Петру I условия, на которых они были согласны служить русскому царю: «Говорили мне черкесские владельцы, чтоб ваше царское величество не оставил черкесов, ежели будут трактаты с турком к миру, в тех трактатах не забыть и черкес, как ваших слуг верных. Второе, чтоб их наделять погодно жалованием, как написано к ним в грамоте вашего царского величества, как предком их было жалованье прежде, и им то учинить погодно жалованье. Третье, не позывать бы их в другие дальние края в службу, а при тех странах ради служить вам верно. Четвертое, ежели неприятель наступит на них, чтоб их в разорение не дать и оборонить от неприятеля». Князь заверил кабардинцев в том, что «царское величество прозьбу вашу милостиво приемлет», однако они поверили только тогда, когда он «им присягу учинил».

В заключение князь информировал царя о том, что «и другим владельцам, которые обретаются близ черкес, посылал призвать в службу к трем народам: кумыком, мичкисом, чеченцом. И оные отповедствовали мне чрез посланцов своих, чтоб им дать жалованье, сколько персон выедут на службу. Ежели вам то угодно, прикажите дачи на них прислать, удобно здешнего края народом червонные ефимки, камки, бельи мехи. И о том писал к Москве к Сенату, по указу вашему, как мне в пунктах доносительных написано» [11, 1022-1023об.].

13 мая три пехотных и три драгунских полка (6286 человек) под командованием Апраксина вышли из Казани в поход на Кубань. В Царицыне к ним присоединились «саратовские и симбирские дети боярские, царицынские и астраханские городовые люди и яицкие казаки», численность отряда достигла 8897 человек пехоты и кавалерии. Позднее подошло 20474 воинов хана Аюки. В начале июня 1711 г. 10 тысячный отряд кубанцев попытался прорваться в российские пределы, но под давлением превосходящих сил калмыков отступил.

Между тем, 8-10 июля основные силы русской армии на Пруте оказались в катастрофическом положении, окруженные втроекратно превосходящими османско-крымскими войсками. Русскому командованию пришлось вступить в переговоры, результатом которых явилось подписание Прутского мирного договора.

Прутский мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1710-1711 гг. кардинально изменил устоявшуюся после Константинопольского трактата 1700 г. расстановку сил на кавказском геополитическом пространстве. Южный вектор российской геополитики, будучи отброшен к границам конца XVII в., утратил стратегическую инициативу и динамизм, что опосредованно сказалось на практике международных отношений с народами Северного Кавказа. Правительство Петра I было поставлено перед необходимостью отказаться от достигнутых ранее договоренностей с горскими владетелями. Прутская неудача Петра, стоившая России возвращения Азова и ликвидации российского флота, отразилась и на российско-кабардинских отношениях, поскольку 2-я статья договора требовала от российского правительства «в области» «у хана крымского сущих» не «вступатца» [12, 322-324].

Тем временем действия антикрымского российско-калмыцко-кабардинского альянса в Прикубанье достигли своей кульминации. Как известно, весной 1711 г. казанскому и астраханскому губернатору, генералу П.М. Апраксину поручалось, опираясь на вооруженные силы калмыцкого хана Аюки и кабардинского ополчения под номинальным командованием офицера гвардии Александра Бековича Черкасского, обеспечить безопасность российских рубежей в Нижнем Поволжье и Приазовье. Достижение этой цели, по единогласному мнению участников альянса, было осуществимо в случае нанесения превентивного удара по Кубанской Орде.

9 августа 1711 г. кабардинское ополчение численностью примерно в 8-9000 человек под командованием верховного князя Кабарды Хатокшоко Мисостова достигло Прикубанья и ожидая подхода российских войск и калмыков встало лагерем «близ

Кубани у р. Кумы в двух днях переезда (до границ Кубанской Орды. — *Дж.Р.*) и в одном скорой езды». Подход российско-калмыцких войск затягивался, беспокойство кабардинских князей росло. 17 августа Бекович-Черкасский отправил азовскому губернатору Ф.М. Апраксину письмо, где сообщал что «черкесские (кабардинские. — *Дж.Р.*) владельцы безмерно докучают ему по неизвестности о ходе русских на Кубань, не верят, что он сбудется... и намерены с владельцами близ Кубани напасть на абазинцев, бесленеевцев, башилбайцев и родных им нагаев» [13, 270].

В конце августа российские войска под командованием Апраксина в составе 8897 человек пехоты и кавалерии, и калмыцкая конница, численностью 20474 всадника, достигли владений кубанских мурз. Доступные нам архивные материалы ничего не говорят о том, почему Апраксин, не уведомив кабардинцев, 26 августа совершил нападение на кубанцев. В трехдневном бою российско-калмыцкие войска одержали «страшную победу над закубанцами, бывшими под управлением турецких вождей». Ставка Нуреддина Бахти-Гирея — Копыл была разорена. В победной реляции Апраксин сообщал, что были побиты 11460 татар, а 21000 — взяты в плен. Кубанцев преследовали вдоль по течению Кубани на протяжении 100 верст, более 6 тыс. татар утонуло в реке.

Отступая, часть кубанских мурз натолкнулись на кабардинское войско. Согласно донесению Бековича-Черкасского Ф.М. Апраксину от 13 сентября 1711 г. «августа 30-го числа у горских черкес с кубанцами, которыми командовал мырадын-салтан, был бой, на котором оных кубанцов черкесы побили триста пятьдесят девять да в полон взяли сорок человек, а других потопили в реке Кубану; и сам де салтан ушел с немногими людьми, также и лошадей взято многое число» [14, 2-2 об.]. В начале сентября кабардинские князья направили к П. М. Апраксину нескольких посланников с сообщением об одержанной победе и предложением выслать к ним на помощь 2-3000 казаков, дабы «разорить вконец кубанцев». Однако все просьбы кабардинцев оказались безответными.

5 сентября войска Апраксина, стоявшие на р. Чал, были атакованы отрядами Бахты-Гирея, насчитывавшими 7000 татар, 4000 казаков-некрасовцев, и несколько тысяч черкес, приведенных западноадыгскими князьями. Сражение завершилось разгромом нападавших. Потеряв 1090 человек, они отступили. Вскоре генерал получил донесение о подписании Прутского договора и указ вернуться в Азов. На обратном пути российские войска встретили возвращавшихся из набега на Саратовский и Пензенский уезды отряд кубанского мурзы Чар-Аслана и разбили их, освободив 2000 русских пленных. Всего же, по данным послужного списка П. М. Апраксина, в ходе кубанского похода было убито более 5000 человек и взято в плен более 22000 человек, а также захвачены стада верблюдов, лошадей и овец, исчисляемые десятками тысяч голов.

Апраксин так и не встретился с кабардинским войском, чем «крайне огорчил» его руководителей. Не дождавшись российской помощи, кабардинские князья напали на абазин, вынудив их владельцев признать сюзеренитет Кабарды. Примечательно, что в известном труде Ш. Б. Ногмова, написанном преимущественно на основе адыгских фольклорных источников, есть прямое указание на то, что Верховный князь «Хатажуко Мисостов... покорила абазинцев и каракаевцев» [15, 150]. Дальнейшее наступление на кубанцев пришлось прекратить в связи с известием о нападении на Кабарду Тарковского шамхала и части дагестанских владельцев.

В конце сентября 1711 г. Правительствующий Сенат был проинформировано о результатах военного похода на Кубанскую Орду П. М. Апраксина. В скором времени в начале октября в Москву прибыли посланные Бековичем Черкасским в начале осени кабардинские уздени Салтан-Алей Абашев, Темир Окортов и Азармас Оков. Они привезли письмо Черкасского к азовскому губернатору Ф.М. Апраксину от 13 сентября 1711 г. с сообщением об одержанной над кубанцами победе.

Сенаторы, встревоженные опасными последствиями военных столкновений, произошедших после подписания мирно-

го договора, приняли решение отправить кабардинцев к Петру I. 10 октября, в соответствии с указом Сената Посольскому приказу, представители Кабарды были направлены в г. Кроссен, где тогда находился царь [16, 6-7]. В конце ноября 1711 г. состоялась встреча узденей с Петром I, на которой кабардинские послы сообщили о победе кабардинского ополчения над кубанскими татарами. Царь благосклонно воспринял новость и щедро одарил узденей, приказав выдать «Султан-Алею Абишеву да Азармасу Окову денег по сту рублей, по два касека камок, по 5 пар соболей по 7 рублей пара, да третьему таварыщу их Темирю Окорту денег 50 рублей, 2 пары соболей по 5 рублей пара, косяк камки» [16, 382].

В случае если бы правительство Ахмеда III воспользовалось фактом нападения на Кубанскую Орду со стороны российских войск, калмыков и кабардинского ополчения, существовала реальная опасность усиления дипломатического давления на Россию, вплоть до разрыва османами Прутского договора. Опасения российского двора не остались незамеченными секретарем английского посольства Л. Вейсбродом, известившим свое правительство о данном инциденте.

В донесении статс-секретарю С. Джону он сообщал подробности вторжения П. М. Апраксина в землю кубанских татар: «Не знаю, как турки отнеслись к этому делу, но здесь получен список убитых и захваченной добычи: русские и калмыки убили двенадцать тысяч кубанских татар кроме потопленных в реке Кубани, захватили в плен семь сот мужчин и 21400 женщин и детей, угнали две тысячи верблюдов, сорок тысяч лошадей, сто тысяч голов рогатого скота и 250 тысяч овец. В той же стороне живет другой народ — горные черкесы; и они перебили множество кубанских татар, захватили у них в плен 367 человек, и угнали значительное количество рогатого скота...» [17, 74-75] Впрочем, опасения российского правительства оказались напрасными, османов мало заботила судьба кубанских татар.

Во второй половине октября 1711 г. в Азов, к губернатору Ф. М. Апраксину прибыло многочисленное посольство, представлявшее военно-оборонительный союз

кабардинских княжеств. Целью дипломатической миссии кабардинских посланников, насколько мы можем судить по доступным нам источникам, являлась пролонгация заключенных в 1709-1711 г. российско-кабардинских договоров.

Разворачивавшиеся на глазах кабардинцев события — эвакуация людских и материальных ресурсов из Приазовья, ликвидация крепостей, осада Азова десятитысячным корпусом крымско-татарских войск в конце октября, недвусмысленно свидетельствовали об итогах военной компании 1711 г. Надо полагать, что кабардинцы надеялись получить исчерпывающие объяснения по поводу происходящего, выяснить причины поведения П. М. Апраксина, проигнорировавшего все просьбы об оказании помощи для совместного нападения на кубанцев, и, главное, рассчитывали на проявления реальной заинтересованности российского правительства в обеспечении безопасности своего союзника по антикрымской коалиции.

Претензии представителей союза к губернатору П. М. Апраксину, частично безосновательные, обострившие переговорный процесс, во многом объяснялись опасениями кабардинцев по поводу того, что вина за неудачный, с их точки зрения военный поход на Кубанскую Орду будет возложена на кабардинских князей, и, вероятно, будет истолкована царским правительством как нарушение присяги и срыв договоренностей 1709-1711 гг.

Примечательно, что в письме к Петру I, отправленном в конце сентября следующего, 1712 г., кабардинцы сочли уместным возложить ответственность за исход военной компании в Приазовье целиком на Апраксина: «И мы... на войска нурадына салтана, в котором было пятнадцать тысяч (пошли. — Дж.Р.) и били боем и рубили саблями... И ис того войска нурадына салтана несколько побили до смерти, иных в реке потопили, а сам он, нурадын салтан, ранен насилу ушел. После того бою на Кубани многое время стояли близ неприятеля и что мы учинили, о том от себя с ведомостью послали посланцов своих к боярину вашему Апраксину и дабы и он ведомость, что у него учинилась, к нам прислал. И он, ведомости

нам не дав, пошел назад; а мы ожидали от него ведомости и жили несколько время, по обещанию нашему намерение было такое, чтоб Апраксину приходить на Кубань с Азовской стороны, а нам, черкесским войскам, идти горскою стороною; и главной над войски боярин ваш, не дав нам ведомости и не исполняя обещания, возвратился назад. И о том мы zelo опечалились, для того, что будто мы стали ему ненадежны, и в том на него пеняли... ежели б боярин ваш... мало помешкал... то един бог весть, что не един бы татарин на Кубани не остался. И от города Тамани, который у Черного моря, до Кабарды, и от Кабарды до Терка, которые живут у гор народи, все бы те вашему величеству поддались» [16, 9-10].

В ходе переговоров Ф.М. Апраксин, учитывая обострение российско-османских отношений, был вынужден уклониться от обсуждения не имеющего политического решения в рамках Прутского договора статуса Кабарды, и, соответственно, от предоставления российским правительством гарантий, способных привести к развязыванию новой войны. Впрочем, даже в ситуации, когда народам Центрального Предкавказья фактически было предложено самим позаботиться о будущем своей страны, кабардинские посланники подтвердили присягу на верность российскому царю. Со своей стороны, губернатор в дипломатичной форме пообещал послам, что они всегда будут находиться в подданстве у российских царей и ни в коем случае не перейдут под власть султанского правительства.

Несомненно, что Апраксин, принимая во внимание состояние русско-турецких отношений, не мог не осведомиться о военном потенциале Кабарды. Когда он напрямую спросил об этом, один из представителей кабардинской делегации, Али-мурза Алев, ответил, что кабардинские и союзные с ними западноадыгские князья в состоянии выставить «конницы, оружейных, кроме черных работных людей, тысяч с пятнадцать; а в нужный случай с работными людьми их соберется тысяч с тридцать или больше; и те-де работные их люди к войне заобычны ж и всегда будут в готовности» [цит. по: 18, 42].

Результаты переговоров, как только они

были озвучены на хасе, привели к поляризации общественно-политических сил. Союз оказался на грани распада. Одна группировка кабардинских князей, во главе с Верховным князем, исходя из позиции России, высказывалась за необходимость скорейшего прекращения тяжелой для населения страны войны и поиск путей к нормализации взаимоотношений с Крымским ханством. Другая — в лице офицера гвардии, князя Александра Бековича-Черкасского, ссылаясь на принятую кабардинцами присягу на верность царю, выступала за дальнейшее укрепление русско-кабардинских связей и недопустимость каких-либо уступок хану Девлет-Гирею II, т.е. фактически предлагала продолжать жесткую военно-политическую конфронтацию с Крымом.

Хаса поддержала Черкасского. Но было бы ошибкой видеть в принятом князьями консолидированном решении проявление всеобщей внешнеполитической ориентации, тем более, что итоги переговоров с Ф.М. Апраксиным должны были рассеять все иллюзии насчет российской военно-политической поддержки. Превалирующую роль здесь сыграли внутривнутриполитические противоречия. Ситуация, когда доводы Хатокшоко Мисостова, несмотря на свою аргументированность, были оставлены собранием без должного внимания, во всей полноте продемонстрировали ограниченность политического влияния Верховного князя.

Благодаря деятельности Верховного князя Кургоко Атажукина (? — 1710) нарастание дезинтегрирующих тенденций в политической системе Кабарды, в условиях сложной внешнеполитической обстановки в 1708-1710 гг., на короткий период было приостановлено. Однако усиление центральных органов власти нарушало присущий взаимоотношениям кабардинских княжеских уделов в XVI-XVIII вв. принцип равновесия сил, не допуская возвышения одних князей над другими. Политическая элита Кабарды оказалась не в состоянии преодолеть свои узкоклассовые интересы и поддержать миротворческие процессы, ведущие к укреплению авторитета Верховного князя.

В начале мая 1712 г. Петр I был извещен о заключении 5 апреля в Стамбуле

русско-турецкого договора о перемирии. Константинопольский договор 1712 г. требовал от российского правительства кроме выполнения некоторых пунктов Прутского договора, в частности о Польше, значительных территориальных уступок Крымскому ханству на Украине, отказе от укрепления пограничной линии между Азовом и Черкасским, а также вызвал необходимость скорректировать дипломатические отношения с кабардинскими князьями. В середине мая Петр I отправил Бековичу Черкасскому указ, доставленный адресату в начале июня 1712 г. Царь предлагал объявить представителям пророссийской группировки кабардинских князей «великого государя милость» — военно-политическую поддержку и выплату «на всякий год» жалованья [16, 9-10].

Черкасский безотлагательно выполнил царское повеление. Князья были обнадежены помощью России. В середине июня

многочисленное кабардинское посольство, во главе с Черкасским, выехало за царским жалованьем. В состав посольства входили первостепенные уздени «Большой Кабарды» владельцев Атаг-Жуки, да Рослан-бека, да Татархана князей Черкасских... Батырь-Мурза Выков с товарищи 17 человек» [16, 7].

В силу объективных причин дальнейшее развитие российско-кабардинских отношений в рамках военно-политического союза было приостановлено. Тем не менее, Петр I по достоинству оценил результаты миссии Черкасского, ставшего с это времени «доверенным лицом» царя в восточных делах. Общеизвестно, что знаменитое донесение Бековича Черкасского Петру I 1714 г., явившегося итогом его многолетних размышлений и наблюдений о политической культуре народов Северного Кавказа, стало «краеугольным камнем» кавказской политики петровской России.

1. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. I. Кн. 18. Часть 2.
2. РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 14.
3. Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 83. Карт. 14. Д. 247.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее ПСЗ-I). Т. IV. № 2291.
5. РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. 1710 г. Д. 5.
6. Резолюции на «пункты» Ф. М. Апраксина. 31 Января // Письма и Бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 11. Выпуск 1. (январь — 12 июля 1711 г.).
7. РГАДА. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1711 г. Д. 3.
8. Грамота калмыцкому хану Аюке. Февраля 28 // Письма и Бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 11. Вып. 1.
9. РГАДА. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1711 г. Д. 1.
10. РГАДА. Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 1. 1711 г. Д. 1.
11. РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 13.
12. Прутский мирный договор // Письма и Бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. XI. Вып. 1.
13. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1.
14. РГАДА. Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 1. 1711 г. Д. 3.
15. Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1994.
16. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII в. В 2 т. М., 1957. Т. 2.
17. Донесение Л. Вейсброда статс-секретарю С. Джону. 1711 г. Ноября 3 // Сборник императорского русского исторического общества. Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе. СПб., 1888. Т. 61.
18. Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.